

DOI: 10.15643/libartrus-2016.1.9

Формирование словацкой политической традиции в конце XX в.

© О. И. Мармазова^{1*}, Т. Р. Мармазова²

¹Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. М. Туган-Барановского
83050 г. Донецк, ул. Щорса, 31.

²Донецкий национальный университет
83001 г. Донецк, ул. Университетская, 24.

*Email:marmazovaolga@gmail.com

В статье рассматривается процесс становления политической традиции в Словакии в ходе образования независимого государства. Особое внимание уделяется авторитарным тенденциям, развившимся после распада Чехословакии, анализируется нетипичный для стран Центральной и Восточной Европы характер политической трансформации и становления всей системы государственной власти. В статье дается краткая историческая справка эволюции «словацкого вопроса» и его влияния на развитие государства. Авторы подчеркивают особенности общественного устройства Словакии, делая акцент на особом менталитете, в значительной степени повлиявшем на формирование всей политической системы государства в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: словацкий вопрос, бархатная революция, консолидированная демократия, авторитаризм, политический режим, периферийная модель модернизации, национальная идентичность, Владимир Мечъяр, Чехословакия.

Формирование независимого Словацкого государства для словаков было сопряжено с большими трудностями. Требовалась полная модернизация, как политической жизни страны, так и социально-экономической сферы. Было понятно, что коммунистические партии постепенно теряют свое влияние и электорат уменьшается. Встала необходимость построения не только новой партийной системы, в которую вошли бы различные партии и движения, но и четкого определения внешнеполитического курса Словацкой Республики. Эйфория первых месяцев независимости, сопряженная с надеждами на жизнь в качественно новом демократическом государстве, не стала толчком к трансформации политического сознания словацкого общества. Возможно, именно поэтому к власти пришел человек, который в течение длительного периода времени тормозил развитие страны и свернул все возможные демократические инициативы и программы. Период руководства правительства Владимира Мечъяра вошел в историю как период «мечиаризма». Этим термином принято называть авторитарный и жесткий курс, которым премьер руководствовался в своей политике [1].

Поэтому рассмотрение вопроса формирования словацкой политической традиции, анализ влияния на нее авторитарных тенденций, учитывая их рост в современном мире, актуально. Кроме того, не менее актуальным является необходимость анализа особой категории авторитарного лидера, который не только пренебрегает всеми демократическими правами и свободами своих граждан, но и выбирает наихудшие варианты политического развития страны, наносящие ей существенный вред и ведущие к лишь усугубляющемуся регрессу.

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые проанализировано влияние «меча-ризма» как политического феномена на развитие демократических сил в Словакии с целью вывода общей формулы демократизации. Существует необходимость изучения положительного опыта, который имеет Словакия, в вопросе преодоления авторитарных тенденций и успешных демократических трансформаций, которые могут быть использованы для разрешения схожих проблем и разработки подобных политических курсов другими странами.

Формирование политической традиции Словакии началось задолго до появления независимого государства. Еще, будучи в составе Австро-Венгрии, словаки задавались вопросом о своем историческом предназначении и возможных путях его реализации. Так сформировалось явление, вошедшее в историю как «словацкий вопрос» [14].

«Словацкий вопрос» представляет собой комплексное понятие, включающее в себя проблему национальной, культурной, исторической и геополитической идентичности словацкого народа. Из-за существовавшего на протяжении долго периода влияния немцев, венгров и чехов, словаки придали своему национальному вопросу характер освободительной борьбы, которая закончилась лишь с образованием независимого государства. Особо остро «словацкий вопрос» стал ощутим после распада Австро-Венгрии и формирования независимого Чехословацкого государства в 1918 г. За более чем семидесятилетнее существование Чехословакии, Словакия несколько раз получала то автономный, то федеративный статус, то вновь возвращалась в унитарное государство.

Исторически Чехия была более развитым государством, что затрагивало все сферы жизни чешского общества. В государстве была сформирована политическая элита, способная самостоятельно реализовывать внутреннюю и внешнюю политику. Однако в Словакии дела обстояли иначе. Политическая элита сформирована не была и полностью опиралась на решения чешских коллег, что предопределило формирование политики «чехословакизма», как специфического внутривластного феномена [6].

Немаловажным было влияние других народов, с которыми словаки жили бок о бок, всю историю существования Австро-Венгрии. Так, например, напряжение в отношениях с венграми сохраняется даже в современном словацком обществе. «Мадьяронство», как специфическая форма ассимиляции словаков, проявилось в «словацком вопросе» так же остро, как и «чехословакизм», обуславливая ряд проблем.

Коммунистический вариант разрешения «словацкого вопроса», был самым привлекательным. Хотя словаки не поддерживали коммунизм как таковой, правильная политика партии, направленная на индустриализацию и повышение уровня жизни населения, заработала доверие общества и смягчила существующие острые углы. На смену идеи «чехословацкого народа», пришла идея «советского человека», которая хоть в корне и не отличалась, но сулила новые горизонты и воплощение идей ирредентизма [11].

Среди стран Центральной и Восточной Европы, ставших после «бархатных революций» на путь демократического развития, Словакия выделялась быстрым сворачиванием процессов консолидированной демократии. Республику принято считать самым проблемным случаем среди этой группы государств. Под влиянием «словацкого вопроса», который в полной мере не был разрешен даже к моменту образования независимого государства, внешняя и внутренняя политика Словакии стояла на позициях отрицания чехословацкого прошлого. Поэтому можно с уверенностью сделать вывод, что государство пошло по своей траектории развития: восточно-европейской [12].

Все наследие чехословацкого периода практически прекратило свое существование после прихода к власти Владимира Мечъяра в 1994 г. Именно этот политический деятель создаст в Словакии условия, вследствие которых государство, единственное из всей Вышеградской группы, не будет приглашено для участия в интеграционных процессах захлестнувших Центральную и Восточную Европу.

Само собой, Словакия не была уникальным случаем. В тот момент, когда социалистический лагерь распался и на политической арене Европы появился ряд новых независимых государств, вместе с ними возникла и проблема установления нового политического режима. С коммунизмом было покончено, однако новая партийная система не успела сформироваться. Многие объединения и гражданские организации, которые участвовали в подготовке и проведении «бархатных революций», не имели достаточной поддержки среди населения этих стран. Поэтому первые выборы показали политическую пассивность и неопределенность населения Центральной и Восточной Европы [10].

Однако Словакию все же принято выделять как особый, «пограничный» случай. По сравнению с соседними государствами, словаки вынуждены были одновременно решать большой перечень исторически обусловленных задач. Кроме проблем политического и экономического перехода, Словакия вынуждена была решать проблемы культурно-исторического характера.

«Словацкий вопрос» автоматически не разрешился в момент создания независимого государства. Даже сам процесс образования независимой Словацкой Республики не был одинаково одобрен всем населением страны. Будучи решением политическим, «бархатный развод» не дал времени населению взвесить все за и против возможного нового статуса. В отличие от Чешской Республики, которая опиралась на значительный исторический опыт формирования независимого государства, словакам было сложно найти тут почву, на которой смогло бы зреть их общество. Короткий период независимого военного словацкого государства 1939–1945 гг. не могло быть положительно использовано ни одним политическим лидером, даже таким одиозным как Владимир Мечъяр.

Само историческое соотношение недемократических и демократических сил в Словакии на протяжении истории было 3:1, что делало затруднительным установление и развитие демократического общества. Сам процесс демократизации не был столь важным, как процесс формирования нового, политически подкованного гражданина, который смог бы влиять на формирование и развитие государства [8].

Вся анархичность присущая как международной, так и внутривнутриполитической среде, проявилась в Словакии самым острым образом. Формирование акторов внутривнутригосударственной арены проходило тяжело и практически неподъемно для общества, стоящего на распутье. Словаки на протяжении всей своей истории тяготели к выбору уже готовой модели политического развития. Сначала это была Австро-Венгерская модель, затем Чехословацкая, потом коммунистическая, и вот Словакия встала на путь формирования собственной модели, что оказалось проблематичным. Можно с уверенностью заявлять, что все существовавшие в Европе формы модернизации рано или поздно попадали и в Словакию. Аграрное и сильно подверженное католическому влиянию государство плохо поддавалось политическому реформированию.

Во времена Австро-Венгрии Словакия находилась под влиянием Венгерской части империи, а Чехия – Австрийской, что обусловило коренные различия в формировании обществен-

ной и политической жизни государства в дальнейшем. Стоит отметить, что сама Венгрия развивалась по периферийной модели модернизации и после 1991 г. находилась в таком же состоянии, что и Словакия. Похожие проблемы были и в Польше [6].

Отпечаток, оставленный запоздалым периферийным типом модернизации, был менее заметен в странах, у которых была собственная история государственности. Кроме того, в Словакии главный источник политической поляризации находился больше в плоскости культурного конфликта, в то время как в других странах региона он был в сфере социально-экономической.

Особенно сильно на укрепление авторитарных тенденций в государстве влиял фактор отсутствия политических элит и регулярные санкции по отношению к «нежелательным» группам, проводимые на всех этапах становления государства. Само население было политически пассивным и одинаково спокойно отнеслось как к созданию Чехословакии в 1918 г., так и к возникновению независимой Словакии в 1993 г. Так же стоит отметить, что доля равнодушного населения чередовалась с теми, кто не имел вообще никакого представления о дальнейшей судьбе и развитии государства. Кроме того, Братислава никогда не имела статуса крупного политического центра. Сначала все решения принимались в Будапеште и Вене, затем в Праге, позднее в Берлине и Москве. Даже столь значимые для словацкого народа события, как Пражская весна и «бархатная революция», происходили практически без участия словаков, в столице Чехословацкой республики, Праге. Таким образом, одновременное формирование государственного строя и демократическая консолидация общества привело к тому, что пострадали и не достаточно быстро эволюционировали оба процесса. А потому приход к власти тоталитарного Виктора Мечьяра не кажется уникальным случаем [8].

Мирное разделение Чехии и Словакии уменьшило шансы синхронного развития двух государств. Вопросы национальной идентичности и собственной государственности стали фактором поляризации словацкого общества на всех уровнях: от элит до простых граждан. Кроме того, после 1993 г. усилились споры по всем спектрам общественной жизни, от национальной идентичности и прав этнических меньшинств до экономической трансформации и стиля правления Мечьяра [12].

Вопрос венгерского национального меньшинства всегда занимал особое место в политике Словакии. После распада Австро-Венгрии на территории Чехословакии образовалось весомое инациональное меньшинство. В Чехии это привело к поддержке немецкого вторжения в Судетской области, а в Словакии к постоянному межэтническому напряжению между словаками и венграми. Кроме венгерского меньшинства, Братислава должна была выработать основную линию касательно еще одной этнической группы – ромского (цыганского) населения. Это все привело к осложнению и без того не простой политической ситуации. Со временем данные проблемы выльются в предмет борьбы между партиями. Однако сам Мечьяр не ставил решение данных вопросов на передний план, предпочитая сосредоточиться на экономической сфере.

О том, что демократический переход в Словакии будет происходить в осложненной форме, говорил характер коммунистического режима, который существовал там в 90-е гг. По сути, коммунистический режим в Словакии носил национально-приспособленческий характер, особенностью которого была традиция «воздействия» на элиты снизу [10].

Местные парламентские выборы в Словакии 1990 г. привели к власти коалицию, состоящую из Христианско-демократического движения (далее ХДД) и Общества против насилия

(далее ОПН). После распада ОПН и создания Владимиром Мечъяром Движения за демократическую Словакию (далее ДЗДС) в стране существенно изменился не только баланс сил, но и вектор развития [2].

Основой для развития демократической политической системы Словакии стало недлительное руководство Яна Чарногурского и некоммунистического правительства. Основатель Христианско-демократического движения, пришел к власти после первого отстранения Мечъяра в 1991 г. и продержался на посту премьер министра до выборов 1992 г., когда победу одержала партия Движение за демократическую Словакию Владимира Мечъяра [4].

При правительстве Чарногурского в Словацкой Республике, еще в составе Чехословакии, были заложены необходимые основы государственного развития. По сути это был короткий период либерализации, пускай и ограниченной, под контролем коммунистов. Стоит отметить, что под конец существования коммунистической Чехословакии, сама компартия не применяла жестких методов контроля над развитием государства и создавала возможность для формирования альтернативных сил. Была установлена парламентская форма правления и пропорциональная избирательная система, что крайне положительно повлияло на дальнейшее формирование государства. Даже в настоящий момент, Словацкая Республика в полной мере использует ту модель, которую заложил Чарногурский в 1991 г.

После выборов 1994 г. третье правительство Мечъяра попытается изменить установленные ранее демократические условия. Им были предприняты попытки изменения конституционного строя, касающиеся системы власти и пропорциональной избирательной системы. Победив на выборах, ДЗДС будет настаивать на изменении формы правления в сторону президентской республики. Единственное, что помешало свершиться этому факту, было отсутствие необходимого количества голосов в парламенте в пользу конституционных изменений. Кроме того, сам процесс принятия конституций в странах Центральной и Восточной Европы вызывал множество вопросов и сильно критиковался, равно как и их содержание. Однако именно этим конституциям удалось удержать ситуацию в рамках закона даже в таких сложных случаях как в Словакии [7].

Как и многие другие конституции стран региона того периода, главный закон Словакии представлял собой наспех составленный документ с множеством противоречий в отдельных положениях. Но именно эта конституция стала на пути коалиции Мечъяра стремящейся реализовать авторитарные замыслы. Поэтому ошибочным является мнение, которое считает основной проблемой несовершенную конституцию. По сути, Конституция Словакии 1993 г. представляет собой инструмент политической стабилизации в переходный период. Анализ Конституции Словакии позволяет выделить основные проблемы, с которыми столкнулось общество в самом начале. Так согласно ст.1 Конституции: «Словацкая Республика есть суверенное, демократическое и правовое государство. Оно не связано ни с какой идеологией или религией» [5]. То есть, прямой отказ от коммунистической идеологии не присутствует, но читается между строк.

Вторым важным вопросом, особо сильно волновавшим Мечъяра, из-за которого и планировалось внести изменения в главный государственный закон, был вопрос приватизации, и ее допустимых объемов. В ч.1 ст. 55 Конституции Словакии сказано, что «экономика Словацкой Республики основывается на принципах социально и экологически ориентированной рыночной экономики» [5]. По сути это и стало основой для приватизационного законодательства, с учетом того, что сама приватизация началась еще в Чехословакии. Сначала, во время

первого этапа приватизации, в 1990 году, в частные руки были переданы малые государственные предприятия. Затем, уже во время правительства Мечьяра, прошла вторая волна приватизации, которая предусматривала передачу и крупных промышленных объектов без учета экономических особенностей тех или иных регионов страны. Усугублял ситуацию Закон о реституции, задачей которого было возвращение незаконно национализированного в 1948 г. В результате, вместо перехода к рыночной экономике, Словакия погрязла в судебных тяжбах по вопросам передачи имущества и «спорным предприятиям». Можно утверждать, что весь авторитарный элемент правления партии ДЗДС проявлялся именно в экономических вопросах. Для консолидации и дальнейшей интеграции Словакии была необходима рыночная экономика, но правительство делало все возможное, чтобы этого не случилось.

Существенным недостатком Конституции, повлекшим за собой множество инсинуаций со стороны правительства Мечьяра, был размытый контур самой государственной формы правления. Закладывая базис для парламентской республики, Конституция существенно осложняла понимание роли президента и его выборов. Необходимые для выборов три пятых голосов депутатов выглядели мало возможными в многопартийном парламенте. Однако, только после выборов 1998 г. удастся изменить существовавшие недостатки и перейти к прямым выборам президента.

Идут неустанные споры о том, могла ли более совершенная Конституция ускорить процесс консолидации в Словакии или нет. Конечно, единственно верный ответ получить крайне сложно. Есть основания полагать, что все же Конституция не была основополагающим фактором [5].

Залогом успеха авторитарного режима Мечьяра и его «долгожительства» можно считать часто сменяющиеся в Словакии политические режимы. На пике свержения коммунистической модели, при невыясненном варианте дальнейшего развития общества, полемика ДЗДС о будущем государства выглядела крайне привлекательно. Стоит отметить, что за коммунистов в Словакии активно практически не голосовали. Так, в 1946 г. аграрная католическая Республика не поддержала их на выборах. Зато позднее, в условиях тоталитаризма, коммунистическая идеология «уравниательства» и общее улучшение условий жизни населения, помогло компартии добиться широкой поддержки. Важно помнить, что сам коммунизм в Словакии носил специфический характер и это делало его непохожим на коммунизм в соседних государствах. Словацкая коммунистическая модель может быть названа «семейной». Она характеризовалась куда более мягкими санкциями за правонарушения чем, например, в Чехии [7].

Словацкое общество можно охарактеризовать как крайне адаптивное к различным формам государственных режимов. Именно эта черта и станет основной проблемой в борьбе с установившимся тоталитарным режимом, так как словаки традиционно не выступать против власти. Народ научился «смягчать» любые существующие углы и выживать в любых условиях. Так, либерально-ориентированных диссидентов в Словакии, в отличие от многих государств социалистического лагеря, практически не было. Единственными, кто довольно быстро отделился от режима к середине 80-х гг., были католические структуры. Затем к ним присоединилась формирующаяся элита из общественных и культурных деятелей и экологических движений. Вообще можно выделить три волны выступлений крайне пассивного словацкого общества против существующего строя. Это восстание против немецких захватчиков в 1944 г., общественное несогласие 1989 г. и мобилизация против правительства Мечьяра в 1998 г. [10].

Главной причиной популярности Владимира Мечъяра стала экономическая ситуация на момент 1989 г. После волны революций и распада экономического сообщества коммунистических стран, были потеряны основные рынки сбыта товаров и экономические ориентиры в целом. Для Чехии этот процесс был менее болезненным, чем для Словакии, что стало толчком для нового витка недовольства и роста напряженности между чехами и словаками.

После любых революционных событий, какими бы по своему содержанию они не были, население традиционно ожидает улучшений во всех сферах жизни. Однако история показывает, что чаще все происходит наоборот. То же самое произошло и в Чехословакии. Народ прибывал в определенной эйфории по факту свершившейся «бархатной революции» и ожидал новой жизни под знаменами консолидации и рыночной экономики. Однако вначале ожидания не оправдались. Рост межнациональной напряженности достиг нового уровня. Добавившиеся новые экономические трудности на фоне куда более процветающей Чехии сформировали мнение среди населения необходимое для раскола государства [6].

Согласно проводимым опросам общественного мнения, как во время «бархатной революции», так и после десятилетия существования независимого словацкого государства, та часть населения, которая могла быть названа либерально ориентированной, выступала за сохранение целостной Чехословакии. Отсюда можно сделать вывод о том, что если бы состоялся референдум по вопросу дальнейшей судьбы государства, солидный пласт населения выступил бы против раскола.

Правительство Мечъяра, как и их чешские коллеги, было заинтересованно в формировании двух новых государств без общественного противостояния. Стоит вспомнить по революционную тенденцию, существовавшую в чехословацком обществе и проявившуюся во время «Пражской весны» и «бархатной революции», по итогам которой, как раз и пытались провести коренную трансформацию государственного строя [12].

Либерально настроенное население, по сути – федералисты, потерпели поражение по итогам выборов 1992 г. и установления власти ДЗДС. Тот факт, что правительство было сформировано из националистов и посткоммунистических левых, обусловил ослабление влияния федеральных властей. Пришедшие к власти политические группы поддержала прослойка населения, недовольная экономическими трудностями, ответственность за которые возлагали на чехословацкое руководство.

Популистские идеи о том, что ухудшение экономической ситуации выгодно приверженцам федерализма добавило напряжения в словацком обществе. Произошел внутренний раскол, поделивший общество на две группы: политически активную, состоящую из приверженцев федерализации и их оппонентов, и куда более широкую группу аполитичных граждан. Можно смело говорить о том, что аполитичный слой населения своим полным бездействием помог сформироваться правительству ДЗДС даже более чем их политические приверженцы [8].

Полную персонификацию Движения за Демократическую Словакию Мечъяр провел за четыре года и к 1994 г. само ДЗДС имело вполне определенную электоральную поддержку. Это была группа людей, которых объединяли общие проблемы. По сути это были те слои населения, интересами которых никто не занимался во время краха прежней системы. Лишившись всех социальных гарантий, определенные группы словацкого общества горячо поддерживали риторику премьер-министра [9].

Сам Владимир Мечьяр проводил политику «мобилизации масс», которая позволила ему не только персонифицировать ДЗДС, но и в определенной степени «люмпенизировать» электорат. Методика заключалась в том, что каждый месяц в Братиславу свозили жителей из сельской местности на митинги. Так как одним из первых действий Мечьяра в независимой Словакии была практически полная ликвидация средств массовой информации, на такого рода мероприятиях не присутствовало никого, кто мог бы освещать событие для всего народа Словакии. Митинги Мечьяр проводил лично, порой часами рассказывая о заговорах против своей персоны и политических интригах, имевших место в государстве. Его оппоненты неоднократно упрекали политика за бестактность, так как он мог позволить себе обнародовать имена вполне конкретных государственных деятелей, якобы ведущих подпольную деятельность по подрыву существующего строя. Такого рода разглашение информации могло не только разрушить репутацию названного лица, но и создать вполне реальную угрозу жизни и здоровью [4].

В своем правительстве Владимир Мечьяр так же придерживался идеи персонификации. Даже те члены Кабинета Министров, которые были выходцами из Движения за демократическую Словакию, не имели практически никакой власти и полностью зависели от решений премьер-министра. Это делалось с той целью, что население будет понимать незаменимость своего лидера. Тактика была оправданной, так как до 1998 г. власть Мечьяра оставалась незыблемой. Однако, то, что даже высшие министерские чины не могли принимать самостоятельных решений и полностью зависели от своего руководителя, не могло не сказываться на ситуации в целом. Партийная и правительственная персонификация так же шла в разрез с политикой приватизации, занимавшей центральное место в деятельности премьер-министра. Стоит отметить, что правительство не отметало идей политического плюрализма, но стремилось сохранять полноту власти в руках правящей партии.

Само поведение Мечьяра было крайне «свободным». Он мог позволить себе любую выходку, подтверждением чему может служить «инцидент с часами». Произошел «инцидент» в 1997 г., когда Владимир Мечьяр распорядился о том, чтобы часы, которые было видно из окна кабинета президента Ковача, показывали не время, а дни, оставшиеся до окончания президентского срока. Причем количество дней указывалось не так, как прописано в Конституции, то есть с момента вступления в должность, а со дня избрания Михаила Ковача в должность. Таким образом, Мечьяр не только показывал, что стоит выше закона, но и настаивал на более ранней отставке президента. Хотя сама временная разница между конституционным сроком и тем, что предлагал премьер-министр, была не существенной. Причиной для такого поведения была критика в адрес Владимира Мечьяра от бывшего однопартийца Ковача. Вернуть часам их прямое назначение Мечьяр отказался даже после того, как оппозиция официально осудила его действия в парламенте [9].

Сам факт того, что географически Словацкая Республика находилась в центре Европы, не означал всецелой помощи от европейских держав. Исторические связи с Россией были довольно крепкими, что позволило правительству сохранить льготные цены на некоторые товары.

«Мечиаризм» стоит особняком среди множеств авторитарных режимов. Его сложно однозначно охарактеризовать. Главной причиной этому является то, что в каждом монархическом однопартийном режиме, со всей присущей ему тоталитарностью, диктаторы предпочитают создавать какую-то систему и действовать в ее рамках. В такой системе закон может и не выполнять своих главных функций по защите основных прав человека, но в любом случае

он будет хотя бы поддерживать действия власти. При этом «мечиаризму» не удалось разрушить государственные институты, хотя сам уровень демократичности общества снизился. Единственное, что удалось сделать Владимиру Мечьяру в попытке трансформации выборных институтов, были поправки к Закону о выборах, которые в итоге усложнят жизнь его оппонентов на выборах 1998 г. [11].

Таким образом, можно утверждать, что формирование словацкой политической традиции представляет собой комплексное явление, включающее в себя проблему национальной, культурной, исторической и геополитической идентичности словацкого народа. Политическая элита Словакии на момент образования независимого государства сформирована не была. Среди стран Центральной и Восточной Европы Республика Словакия выделялась быстрым сворачиванием процессов консолидированной демократии. Кроме того, она вынуждена была решать проблемы культурно-исторического характера. В Словакии главный источник политической поляризации находился больше в плоскости культурного конфликта, в то время как в других странах региона он был в сфере социально-экономической. Сам процесс демократизации не был столь важным, как процесс формирования нового, политически подкованного гражданина, который смог бы влиять на формирование и развитие государства.

Одновременное формирование государственного строя и демократическая консолидация общества привело к тому, что пострадали и не достаточно быстро эволюционировали оба процесса. Словацкое общество можно охарактеризовать как крайне адаптивное к различным формам государственных режимов. Вопросы национальной идентичности и собственной государственности стали фактором поляризации словацкого общества на всех уровнях: от элит до простых граждан. А потому приход к власти тоталитарного Виктора Мечьяра не кажется уникальным случаем. Конституция Словакии 1993 г. представляет собой инструмент политической стабилизации в переходный период. Существенным ее недостатком был размытый контур самой государственной формы правления.

Для консолидации и дальнейшей интеграции Словакии была необходима рыночная экономика, но правительство делало все возможное, чтобы этого не случилось. Весь авторитарный элемент правления партии ДЗДС проявлялся именно в экономических вопросах [3]. Залогом успеха авторитарного режима Мечьяра и его «долгожительства» можно считать часто сменяющиеся в Словакии политические режимы.

Также можно с уверенностью утверждать, что формирование политической традиции в Словакии в конце XX века было ознаменовано постоянной борьбой коалиции и оппозиции, которая привела к росту политической нестабильности в 1995–1997 гг., что способствовало появлению внутривластной тенденции, названной «словацким способом трансформации». Она предполагала полную концентрацию власти в руках коалиции. Это не могло не влиять на интеграционные процессы в государстве, которое в 1994 г. заявило о своем желании присоединиться к Европейскому Союзу. Но, по факту, процесс был приостановлен до 1998 г., пока на очередных выборах к власти не пришло новое демократическое правительство. Такой длительный период работы правительства Мечьяра был вызван слабостью оппозиционных сил и их разобщенностью. До тех пор, пока разрозненные политические силы не смогли найти компромисс и не определили для себя приоритетной целью улучшения жизни общества, а не своих личных амбиций, Словацкая политическая жизнь находилась в состоянии стагнации.

Литература

1. Bértoa C., Deegan-Krause F., Peter K. The limits of regulation. Party Law and Finance in Slovakia (1990–2012) // *Working Paper Series on the Legal Regulation of Political Parties*. **2012**. No. 23.
2. Pehe J. Political Conflict in Slovakia // *Report on Eastern Europe*. **1991**. Pp. 1–6.
3. Slovakia – from a Component of Former Czechoslovakia within the Framework of the Soviet Block – to an Independent Country-Member of the European Union and NATO // *The Experience of the European and Euro-Atlantic Integration of Central-Eastern European and Baltic Countries*. Analytical review. Kyiv, **2013**. Pp. 17–20.
4. Ucen P. A Decade of Conflict Within Slovak Polity: Party Politics Perspective // *Success or Failure*. **1999**. Pp. 111–133.
5. Конституционное право: новейшие зарубежные исследования: Сборник научных трудов / Сост. Г. Н. Андреева, Е. В. Алферова, В. В. Маклаков, Т. П. Титова. М.: РАН. ИНИОН, **2005**. 223 с.
6. Конституция Словацкой Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=110>
7. Коровицына Н. В. Агония соцмодернизации. Судьба двух европейских наций. М.: Наука, **1993**. 176 с.
8. Кривый В. Разграничительные линии в словацком обществе: множество режимов, коммунизм и индустриальная модернизация // *Опыт демократических преобразований Словакии*. **2007**. С. 54–66.
9. Месежников Г. Политические партии – актеры демократизации и реформ в Словакии // *Опыт демократических преобразований Словакии*. **2007**. С. 76–86.
10. Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Л. М. Шаншиева. М.: РАН. ИНИОН. **2003**. 236 с.
11. Смолани С. Словацкий путь к демократии: от отклонения («девиации») к стандартной «новой демократии» // *Опыт демократических преобразований Словакии*. **2007**. С. 66–76.
12. Фиш М. С. Конец «мечиаризма» // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. **1999**. №5. С. 2–9.
13. Харциева Г. Ю. Политическая картина в Словакии после ноябрьских событий // *Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990)*. **1991**. С.249–269.
14. Хмел Р. Словацкий вопрос в 20-м веке // *Опыт демократических преобразований Словакии*. **2007**. С. 9–24.

Поступила в редакцию 30.11.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.1.9

Formation of the political tradition in Slovakia at the end of the 20th century

© O. I. Marmazova^{1*}, T. R. Marmazova²

¹*Donetsk National University of Economics and Trade
named after M. Tugan-Baranovsky
31 Shors St., 83050 Donetsk.*

²*Donetsk National University
24 Universitetskaya St., 83001 Donetsk.*

**Email: marmazovaolga@gmail.com*

The process of Slovak political tradition formation during the establishment of an independent state is discussed in the article. Special attention is paid to the authoritarian tendencies, which developed after the breakup of Czechoslovakia, atypical for Central and Eastern Europe character of political transformation and the establishment of the entire state power system are analyzed. A brief historical background of the evolution of “the Slovak question” and its influence on the development of the state is given. Authors highlight features of the social structure of Slovakia, emphasizing the special mentality, greatly influenced on the formation of the political system of the state in historical perspective. It is also noted, that formation of political tradition in Slovakia at the end of the twentieth century was marked by constant struggle between coalition and the opposition, which led to increased political instability in 1995–1997, which contributed to the emergence of the political tendencies, called “Slovak way of transformation”. This had an impact on the integration processes in the state, which in 1994 declared its desire to join the European Union. The authors conclude that as long as the disparate political forces were unable to find a compromise and to determine priority in order to improve life of society rather than their personal ambitions, the Slovak political life was in a state of stagnation.

Keywords: *Slovak question, velvet revolution, consolidated democracy, authoritarianism, political regime, peripheral model of modernization, national identity, Vladimir Meciar, Czechoslovakia.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Marmazova O. I., Marmazova T. R. Formation of the political tradition in Slovakia at the end of the 20th century // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol 5. No. 1. Pp. 66–77.

References

1. Bértoa C., Deegan-Krause F., Peter K. *Working Paper Series on the Legal Regulation of Political Parties*. 2012. No. 23.
2. Pehe J. *Report on Eastern Europe*. 1991. Pp. 1–6.
3. Slovakia – from a Component of Former Czechoslovakia within the Framework of the Soviet Block – to an Independent Country-Member of the European Union and NATO. *The Experience of the European and Euro-Atlantic Integration of Central-Eastern European and Baltic Countries*. Analytical review. Kyiv, 2013. Rp. 17–20.
4. Ucen P. *Success or Failure*. 1999. Pp. 111–133.
5. *Konstitutsionnoe pravo: noveishie zarubezhnye issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov [Constitutional law: the latest foreign studies: Collection of scientific works]*. Comp. G. N. Andreeva, E. V. Alferova, V. V. Maklakov, T. P. Titova. Moscow: RAN. INION, 2005.
6. Konstitutsiya Slovatskoi Respubliki. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=110>
7. Korovitsyna N. V. *Agoniya sotsmodernizatsii. Sud'ba dvukh evropeiskikh natsii [The agony of socialist modernization. The fate of two European Nations]*. Moscow: Nauka, 1993.

8. Krivyi V. *Opyt demokraticeskikh preobrazovaniï Slovakiï*. **2007**. Pp. 54–66.
9. Mesezhnikov G. *Opyt demokraticeskikh preobrazovaniï Slovakiï*. **2007**. Pp. 76–86.
10. *Politicheskie lidery i strategii reform v Vostochnoi Evrope: Sb. obzorov i ref. [Political leaders and the strategy of reforms in Eastern Europe: Collection of reviews and essays]*. Ed. L. M. Shanshieva. Moscow: RAN. INION. **2003**.
11. Smolani S. *Opyt demokraticeskikh preobrazovaniï Slovakiï*. **2007**. Pp. 66–76.
12. Fish M. S. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeskoe obozrenie*. **1999**. No. 5. Pp. 2–9.
13. Khartsieva G. Yu. *Vostochnaya Evropa na istoricheskom perelome (Ocherki revolyutsionnykh preobrazovaniï 1989–1990)*. **1991**. Pp. 249–269.
14. Khmel R. *Opyt demokraticeskikh preobrazovaniï Slovakiï*. **2007**. Pp. 9–24.

Received 30.11.2015.